

ПРОСТИТЬ И ПРОСТИТЬСЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МАРИЯ КОВАЛЁВА

18+

Мария Ковалева

Простить и проститься

«Автор»

2026

Ковалева М. Е.

Простить и проститься / М. Е. Ковалева — «Автор», 2026

Мария - ученица старших классов, главная героиня книги. Её мать - деспотичная женщина, выступает в роли антагониста. Антон - возлюбленный Марии, значительно старше неё, иностранец.

© Ковалева М. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Простить и проститься

Часть первая

В этой книге будет описана одна занимательная история любви. Возможно, она кажется мне столь занимательной, потому что это моя история. Но мне очень хочется поделиться ей с кем-то.

Я, конечно, могла бы попытаться придумать какую-то идею, которая лежала бы в основе моего рассказа, но я не считаю это нужным. Я знаю, людям зачастую нужен какой-то смысл, и они всячески пытаются найти его во всём. Так пускай же каждый сам найдёт для себя в моей истории свой собственный уникальный смысл или же просто насладится чтением.

Это был 2022 год, примерно середина марта, в будущем мы с ним решили считать датой нашего знакомства 12 число. Я тогда училась в 10 классе, мне было 16 лет. Мы познакомились в интернете, на одном из множества сайтов знакомств, не буду идеализировать, наше знакомство уже началось со лжи. Мы оба указали другие возраста. Я написала, что мне 20, а он, что ему 27, в то время как на самом деле ему было 37. В своей анкете он писал, что живёт в Германии в городе Нюрнберг и этого было более чем достаточно чтобы меня заинтересовать. Я с детства грезилась Германией. А тут некий заморский принц, вот только имя русское — Антон. За 3 недели до моего знакомства с этим удивительным человеком мама отменила мои платные занятия немецким языком, а я скучала по ним. Первые несколько недель мы с Антоном переписывались исключительно на немецком. Я даже не знала, что он оказывается прекрасно владеет русским. За время нашего немецкоязычного общения Антон успел рассказать мне о том, что родился в России, ну, тогда это ещё был Советский Союз.

Так же он поведал мне о том, что уже был женат, но недавно расстался с женой и что у него есть 13-и летняя дочь. Я в свою очередь удивилась, как он мог столько всего успеть за 27 лет жизни, и тогда Антон сказал, что ему 37 и что это, должно быть, какая-то ошибка, раз в анкете указан другой возраст. Меня ни капельки не смутил возраст моего нового знакомого. Я была благосклоннее к более зрелым представителям противоположного пола. Ну а я решила скинуть пару лет, чтобы звучать правдоподобнее, ведь выглядела я в лучшем случае на свои 16, но уж никак не на 20! Но Антон поверил, что мне 18. Я бы и дальше врала ему насчёт возраста, если бы мама не решила взять мой телефон, не нашла бы нашу переписку и не попросила его больше не

писать её несовершеннолетней дочери. На следующий день я снова связалась с Антоном через аккаунт, про который ещё не знала мама. Я извинялась за то, что обманула его и просила меня понять, ведь я просто боялась, что он не захочет связываться с несовершеннолетней. Я

вся светила изнутри, когда Антон не отверг меня из-за моей «излишней» юности, а наоборот дополнительно произвёл на меня впечатление своим снисходительным пониманием. В этот день мы перешли на русский, и это безусловно сделало наше общение ещё более близким, так как я не очень-то владела немецкой речью. Теперь же я могла выражать все свои мысли и чувства свободно. Могла, но не делала. По прошествии времени я смогла проанализировать многое. Мама строго-настрого запретила мне общаться с этим человеком, как только узнала о его существовании. Но я переступила через её запрет. Меня тянуло к Антону невидимыми силами. Всего за каких-то 2—3 недели переписки я уже привязалась к нему, потому что Антон был первым представителем мужского пола, который отвечал мне взаимным вниманием. Да это было общение на расстоянии, да, всё что я о нём знала было лишь то, что он сам мне про себя рассказывал, но он дарил мне чувство, что он хочет познать мою душу. И это казалось мне

наивысшей ценностью. До Антона у меня не было отношений. Никаких, даже платонических. Лишь короткие и очень поверхностные переписки с ребятами, которые видели во мне лишь внешнюю мою оболочку, не более того. Антон был совсем другим. Он задавал другие вопросы и даже если делал комплименты по поводу моей внешности, то делал это с таким изяществом, которого мне прежде не приходилось знать. Таким образом этот уникальный человек протоптал тропу к моему ещё никем до него нетронутому сердцу. Уже через месяц после нашего знакомства я уговаривала Антона приехать ко мне. Я и сама не заметила, как стала мечтать о встрече с ним. Мне так хотелось оказаться с ним рядом, ощутить его запах, прикоснуться к его коже и посмотреть на него живого не через призму экрана. Этот таинственный человек всецело завладел моим разумом, сам не зная того, Антон стал воплощением моего желания. Я не заметила, как стала одержима одной лишь целью — высшей целью, встретиться с ним и узнать, кто же он, этот загадочный незнакомец, к которому меня так тянет. Вот уже 2 недели, как мы стали общаться на русском и всё чаще созванивались. Мы говорили абсолютно на разные темы и почти во всём я была искренней с ним. Была только одна тема, в которой я скрывала свои чувства и эмоции, пыталась всеми силами казаться хладнокровной и изображать безразличие. Дело в том, что я была отнюдь не единственной девушкой, с которой Антон общался на то время. И самым ужасным было то, что многие из его фавориток были в его близости. Разумеется, с теми, кто был рядом, Антон не ограничивался чисто дружескими походами в кино, и я это чётко осознавала. В те минуты, когда Антон посвящал меня в подробности своей личной жизни, моя душа разрывалась на части, но моя гордость не позволяла мне признаться объекту вожделения, какую невыносимую боль он причиняет мне, когда вот так беспристрастно упоминает в разговоре со мной его отношения с другими девушками, да ещё и углубляется в детали. В те моменты бывало я слушала его и думала: какой же коварной может быть красота. Ведь его голос — самый прекрасный голос, который мне доводилось слышать за всю мою жизнь, но как глубоко он способен ранить. Мне хотелось кричать, но я прикладывала все усилия, чтобы мой голос не смел даже дрогнуть, в то время как сердце колотилось так, словно я только что пробежала 200 метров с максимальной отдачей. Моё лицо становилось горячим и красным, как свежесваренный рак, но я всё равно пыталась дышать в трубку ровно. На самом деле я просто боялась, что если Антон узнает, каким значимым он уже стал для меня, то потеряет ко мне всякий интерес. Я думала, что чтобы оставаться интересной для него, необходимо быть равнодушной, чтобы тот не знал, как крепко я уже сижу у него на крючке. Ведь рыба перестаёт быть интересной для рыбака, как только она уже поймана. Конечно же меня угнетали мысли о том, что я даже не на сотую долю не такая важная для Антона, как он для меня. Но я понимала, что он в отличие от меня взрослый человек, а взрослые не влюбляются как подростки, тем более так, как я. Тем временем, дома скучать мне не давали. После того, как меня в очередной раз поймали за перепиской с Антоном, у меня отобрали телефон. А я лишь ухмыльнулась в ответ, это было объявление своего рода, холодной войны, в которой я была намерена победить любой ценой. Теперь мой ум был занят и днём и ночью не только мыслями об Антоне, но и о том, как с ним связаться. До летних каникул всё было проще. Я ходила в школу и связывалась с моим милым другом с телефонов других учеников. А вот летом пришлось выкручиваться. Чего только я не делала! Я находила где-то в бардачках старые-престарые телефоны, которыми уже давно никто не пользовался, их просто забыли выкинуть. Я подходила к прохожим и, если они разрешали, писала и звонила Антону с их телефонов. Бывало я подглядывала как мои мать или бабушка прячут ноутбук или планшет. Тогда я выжидала, когда все уснут и тихонечко доставала это средство связи. Такая удача считалась особой роскошью, ведь в те разы, я могла переписываться с моим вожделенным хоть полночи, ни раз я так встречала рассвет без сна.

Зато под утро мне удавалось заснуть довольной, в сладких мечтах о нём. Безусловно, в борьбе с моими «надзирателями» я лидировала. Но ведь мне ещё нужно было сражаться с соперницами. Многие из них жили в нескольких часах езды на машине от моего Антона, и

это был их главный козырь. Все они были по-своему хороши, а мне нужно было что-то, чего не было ни у одной из них, нечто что заставит его оформить визу в Россию, купить дорогие билеты минимум с одной пересадкой, а потом ещё, по прилёту в Москву, сесть на поезд и трястись в нём всю ночь до прибытия в мою скромную провинцию. И что же такого у меня было? Я не обладала какими-то особыми талантами или сверх способностями. Я просто была молодой, здоровой, чистенькой, опрятной и лишь потому симпатичной девочкой. Так что же особенного во мне было? Красота и молодость? Последнее время Германия буквально кишела беженками, тоже молодыми, не менее, а может быть и более красивыми, чем я. У меня осталось только одно средство — ложь, и я его применила. Я сочинила целую легенду о том, что якобы смертельно больна, что моим лечением никто не занимается, а потому жить мне осталось всего несколько месяцев. И здесь

я решила дать моему Антону чувство, что он для меня особенный человек. Я лгала, что держу свой недуг в тайне от всех, он единственный, если не считать моих родственников, которым по легенде на меня наплевать, кто теперь знает о моих страданиях. Я решила, что надавив

на жалость, смогу заманить Антона ко мне. Иногда во мне просыпалась совесть, но я быстро её подавляла, ведь у меня была высшая цель, которая оправдывала любые средства. В июне мне минуло 17. В день моего рождения я много раз заходила в мой потайной аккаунт в надежде

увидеть поздравление от дорогого Антона. Но оно так и не появилось. Это существенно омрачило мой праздник, я весь день ходила сама не своя. Он даже забыл поздравить меня с днём рождения. О чём тут можно говорить?! Кто я для него? Я готова была всё понять и смириться с тем, что не

значу для Антона того же, что и он для меня, потому что знала, что по-другому быть не может, что так, как мне бы хотелось, просто не бывает в реальной жизни. Но это было уже что-то совсем

другое, ведь чтобы поздравить человека с днём его рождения, вовсе не обязательно вожделеть им, достаточно просто хотя бы иногда думать о нём. Я всё равно решила не выплёскивать на Антона волну моего негодования, а просто намекнуть ему о том, что официально стала на год старше. Он обрадовался, что по немецкому времени ещё не поздно меня поздравить, хотя у меня уже начались новые сутки. Шли дни, я продолжала вести эту двойную игру. Меня снова и снова ловили то за общением с одного телефона, то за созвоном с другого. Моей маме уже настолько это осточертело, что она всё чаще прибегала к рукоприкладству. Я была размером с неё саму, так что не боялась её агрессии, а вот угрозы касаясь психиатрической клиники меня напрягали, хотя мне с трудом верилось, что она засунет меня туда. В любом случае, я чувствовала, что обстановка в доме накаляется и надо поторапливать Антона, чтобы тот поскорее приехал ко мне. У меня в голове уже был намётан план, как только он приезжает, я сбегая из дома, и мы вместе где-то тихо сидим, предположим, в какой-то съёмной квартире и скрываемся от полиции. До моего совершеннолетия оставался ещё почти целый год, и зная мою мать, я прекрасно понимала, что она поднимет на уши всю полицию и не уgomонится, пока не найдёт нас. Жить в каком-то отеле, официально там зарегистрировавшись, было бы стратегически очень безграмотно. Первым делом прошерстят все близлежащие гостиницы. Нужно было найти какого-то арендодателя, который не выдал бы нас, в чьей квартире мы могли бы пробыть всю неделю, пока Антон у меня, а перед его отъездом, мы могли бы значить моим родителям встречу в какой-нибудь кафешке. Я рассчитывала, что родители увидят, что со мной всё в порядке и что он вовсе не такой плохой и одобрят наши отношения оба. Мне лишь нужно было, чтобы Антон приехал, как можно скорее. Необходимо было убедить его, что только он может помочь мне, спасти меня. И я вплела в свою ложь рассказы о том, что меня не только не лечат, но ещё и бьют, угрожают запрятать в психушку, где я и скончаюсь в скором времени.

Однажды мама ударила меня по голой коже шнуром от зарядки. Надо признаться, это было действительно больно, а на коже остались яркие следы от шнура. И тут меня осенило! Чтобы звучать убедительнее, я приложу к своим словам фотографии «побоев». Вот только на следующий день следы от ударов уже сильно побледнели и больше не выглядели так впечатляюще. Тогда я решила их освежить, и сама ударила себя пару раз этим проводом. Я отфотографировала так называемые побои и отправила фотографии Антону. Пускай убедится в «подлинности» моих слов. Я нагло врала, а он мне верил. Я надеялась внушить Антону, что мои дела очень плохи и даже если меня уже не спасти, то я хочу хотя бы встретиться с ним перед смертью. Но дело приобрело неожиданный поворот. Антон сказал, что хочет хотя бы попытаться меня спасти, сказал, что приедет на своей шикарной машине и заберёт меня в Германию. Конечно, легально это сделать не получилось бы. Антон сказал, что можно попробовать перевезти меня через границу в багажнике. Я даже не рассчитывала на такое и конечно была очень рада. Теперь я каждый день при каждой возможности донимала его расспросами, когда же он приедет и как он занимается документами. Не знаю, сейчас уже сложно об этом судить, но вероятно он был не такой уж простака, никуда не спешил и терпеливо ждал, когда я сама признаюсь во вранье. Но даже, если это и было так, то тогда Антон очень хорошо мне подыгрывал. И всё же настал день, когда я созналась. Сама не знаю зачем и почему я это сделала. Не то, чтобы меня замучила совесть, скорее мне показалось, что здоровой я всё же буду для Антона более привлекательной или мне всё больше стало казаться, что Антон всё же догадывается о моей лжи. Так или иначе, но я сбросила с себя эту фальшивую маску умирающей жертвы домашнего террора. В итоге я призналась во всём кроме одного, как сильно ревную его. Было я даже собралась и записала длинное голосовое сообщение, где рассказала о своих чувствах и просила не упоминать их в разговоре со мной, этих триклятых бывших, а может, не таких уж и бывших пассий. Я отправила ему это сообщение, но мне тогда нужно было торопиться, а когда я позже снова зашла в свой потайной аккаунт, то увидела, что оно так и не загрузилось. К тому моменту я уже переменила своё мнение и решила не отправлять такое голосовое заново. Антону не следует слушать это сообщение. Ему не стоит знать о своей чрезмерной власти над моими эмоциями, не буду я так льстить человеку, который всё ещё так и не приехал ко мне после нескольких месяцев такой активной переписки, после того, как я столько раз всячески уговаривала его навестить меня. Да и как он может не понимать, что давным-давно уже значит для меня гораздо больше, чем просто какой-то друг по переписке! Он прекрасно знает, что меня наказывают, запугивают, бьют, а я продолжаю тянуться к нему несмотря ни на что. В ответ же этот бесстыжий человек, как ни в чём ни бывало продолжает дразнить меня издалека рассказами о том, как классно он живёт там в своём безоблачном мире, развлекается с молоденькими девчушками, меняя одну на другую чуть ли не каждую неделю, как бы примеряя, какая подходит ему лучше. Порой я задавала себе вопрос: Зачем я дальше борюсь с ветряными мельницами? Чего ради? Ведь я для него пустяк, всего-навсего подтверждение его самооценки, и без меня не храмающей. Но мне никак не хотелось сдаваться, я хотела добиться желаемого, будто зная, что Антону нужно только «примерить» меня и он поймет, что я ему в самый раз. У меня была еще одна возможность общения с Антоном. Мой папа позволял мне с ним переписываться и иногда даже созваниваться. Бывало папа в открытую разрешал мне общаться с Антоном, а бывало делал вид, что не замечает, как я делаю это с телефона сводной сестры. Мои родители развелись, когда мне было 4 года. Папа уже много лет жил с другой женщиной, у которой тоже была дочь по имени Варя. Она была на 5 лет младше меня, но мы с ней отлично ладили, и нам было интересно вместе. Не могу сказать, что мой папа тогда был сильно рад моему общению с Антоном, но во всяком случае он не был также категорично настроен, как моя мать. Разумеется, она ничего не знала о том, что папа, как она бы выразилась,» потворствует моему общению с этим растлителем малолетних». Если бы мама узнала, то пришла бы в ярость. Она перестала бы отпускать меня куда-либо с папой и его новой семьёй. Тогда я лишилась бы этой замечательной возмож-

ности общаться с человеком, который мне очень дорог. Последние несколько лет мои родители уже почти не общались, да и вообще они друг друга не долюбливали. В данной ситуации это играло мне на руку. Не смотря на свою нелюбовь к моему отцу, мама уже успела пожаловаться ему на меня, впрочем, как и бабушка. Мой папа был в курсе их озабоченности моей тягой к человеку, которого моя мать и её родители уже успели возненавидеть. Но он всё равно разрешал мне общаться с ним, не потому что тем самым хотел насолить моей маме, а потому что у него на этот счёт было своё мнение, независимое от других. Последнее время я описывала только боль, которую мне причинял Антон. Да, не спорю, её было достаточно, но всё же, боль была лишь побочным явлением его внедрения в мою душу. Антон стал мне очень близок ещё задолго до нашей первой встречи. Я ни раз писала ему, что он, как будто

единственный человек на свете,

который меня понимает. И это действительно было так. Ведь Антон изначально проник в моё сердце благодаря своей редкой проницательности, а потом уже мне так сильно понравилась его внешность. Первое, что мне очень понравилось, были его глаза. Даже на фото они всегда выглядели очень выразительными, слегка хитрыми, с икринкой. У Антона правда очень красивые глаза, тёмные, цвета свежесваренного кофе, большие и необычной формы, яркие, с игривым взглядом. Мне никогда не нравились карие глаза, я всегда считала эталоном красоты голубые. Но

эти... До знакомства с Антоном я и вообразить не могла, что карие глаза могут так сильно запасть мне в душу. Антон снился мне почти каждую ночь, а днём я не переставала мечтать о нём. Но он всё никак не ехал ко мне. При мысли о том, что Антон так и не приедет ко мне, я впадала в отчаяние, жуткое отчаяние. Каждое утро я просыпалась с первой мыслью о нём, и о том, что возможно я ему совсем не нужна, что раз он всё ещё не приехал, то и не приедет никогда. А я, что же мне тогда делать?! Ведь я никак не хочу мириться с тем, что никогда не увижу этого человека, который уже стал для меня важнее всего другого. Ехать к нему в Германию самой? Во-первых, сперва нужно дожить до 18, а потом даже будучи совершеннолетней, как мне добраться до Германии? Евросоюз значительно усложнил механизм выдачи шенгенских виз, я слышала, что многие страны вообще наотрез отказываются выдавать визы россиянам. А вдруг я даже приеду и найду его, а он уже будет жить с другой? Мысли такого вот характера атаковали меня, стоило мне выйти из сна, от чего у меня начиналась тахикардия. Это было на редкость поганое чувство. Забыться в безмятежном сне ты уже не можешь, но и начинать новый день жуть, как не хочется. Лежишь в кровати с колотящимся от тревоги сердцем и вообще ничего не хочется. Жить как будто не хочется, чувствуешь одну сплошную безысходность и тебе больше ничего не остаётся кроме как сжать волю в кулак и встать наконец с кровати, чтобы продолжить бороться за свою мечту. К середине августа у меня добавилось еще пару возможностей общения с ним. Приближался последний школьный год, в конце которого мне предстояло сдавать экзамены по окончанию школы, я возобновила мои занятия математикой и испанским языком, а еще мама наняла мне репетитора по истории. В конце каждого занятия я просила телефон у моих учителей и писала своему объекту вожделения. Именно по этой причине я всегда шла на занятия с радостью и расстраивалась если вдруг по каким-то причинам занятия отменялись. И вот однажды Антон всё же написал, что собирается приехать вскоре, сказал даже, что уже приготовил для меня несколько подарков. Подарки не имели значения, я хотела лишь одного — поскорей оказаться рядом с Антоном. На этот раз я действительно ему поверила. Антон сказал, что приедет либо в начале, либо в середине сентября, что это зависит от того, когда ему дадут отпуск и как скоро он получит визу в Россию. Но к концу лета меня беспокоило и другое: последнее время моя мама была настолько озадачена моей колоссальной устремлённостью к старому заграничному «извращенцу», что стала таскать меня по психиатрам в надежде, что те выпишут мне какое-то снадобье, которое избавит меня от «тяжёлого недуга». Когда мы приходили к врачу, она начинала рассказывать о всех

моих странностях, начиная с самого раннего детства, потом я сама тоже говорила, по глупости слишком много и честно. В конце каждого сеанса меня просили выйти и какое-то время мать говорила о чём-то с врачами один на один. Наконец она добилась своего. Когда мы пришли к очередному врачу, у которого я уже была когда-то, меня как всегда попросили подождать за дверью, а когда пригласили обратно, мне предложили два варианта на выбор. Первый это лечь в психиатрическую клинику, где меня так и так будут пичкать таблетками и уколами. А второй давал мне возможность остаться на свободе при условии, что я буду «лечиться» в домашних условиях. Разумеется, я выбрала второй. Будь я на тот момент совершеннолетней всё было бы гораздо проще. Мне не пришлось бы выбирать между двух зол. Это был частный врач и будучи совершеннолетней я просто подписала бы отказ от госпитализации и моей подписи бы хватило. Но так как мне было только 17 в первую очередь важна была подпись моей матери. Ну что ж, на этот раз она подписала отказ вместе со мной. Прежде же было обговорено, что я могу наслаждаться «свободой» до первого промаха. А я вообще-то, как раз планировала «промахнуться». Даже после того, как мне практически прямо сказали, что я на волоске от психушки, я не передумала. Самым главным для меня было наперекор всему встретиться с Антоном. Потом это уже потом, не так важно. В то же время перспектива оказаться в «доме с мягкими стенами» совсем мне не улыбалась. Я просто никак не хотела отказываться от моей мечты. И не отказалась. Вместо этого я попыталась убить сразу двух зайцев. Я вспомнила как Антон говорил, что приедет и заберёт меня с собой на машине, когда я врала ему о том, что смертельно больна. Я уже догадывалась о том, что этот план провальный, но надежда умирает последней, так что я всё равно решила попробовать перекрутить свою легенду обратно. Я сказала ему, что обманула его, когда отреклась от своей болезни, сказала, что сделала это, потому что решила, что здоровая я буду ему интереснее и потому что не хотела, чтобы нашу встречу омрачала моя приближающаяся смерть. Мне было неприятно снова врать моему дорогому человеку, но в этот раз я действительно нуждалась в спасении, не от смертельной болезни, но от принудительного «лечения» в психбольнице. Чтобы утвердить его веру в мою легенду, я пошла ещё дальше во лжи и на этот раз подкрепила свой рассказ поддельными справками о запущенной форме рака. Я врала Антону, что нашла эти справки на чердаке, что их от меня скрывали всё это время и оказывается всё гораздо хуже, чем я думала. Антон не сказал мне в лоб, что я вру, но было ясно, что он с трудом мне верит или совсем слегка притворяется что верит. И так Антон вёл себя, пока не взгляделся в эти нелепые подделки. Тогда-то ему на все 100 процентов стало известно, что вся моя легенда до последнего слова ложь, нелепая и бестолковая. Антон и так

собирался прилететь на самолёте в ближайшие дни, а на машине в багажнике фактически воровать меня по международному законодательству вовсе не планировал. Эта ложь ничего не принесла бы мне в любом случае, Антон не увёз бы меня с собой. Но теперь он был на меня ещё и рассержен, ещё бы! Я отлично его понимаю, кому нравится, когда его пытаются надурить. Но

я всё равно не хотела терять этого человека, ставшего для меня таким близким. Антон сказал, что не будет брать билеты на ближайшее число, что ему сначала нужно время, чтобы переварить моё поведение и меня простить. Прошла уже неделя сентября, я всё ещё не начала пить таблетки, прописанные психиатром. Я ходила в школу, как все нормальные дети, и продолжала биться за то, чтобы мой принц поскорей приехал ко мне. Но после того, как Антон раскусил меня, мной овладела досада жгучая до боли, такая сильная, что я перестала есть и спать, рыдала целыми днями и ни о чём, кроме как о своей бесполезной и нелепой лжи, только навредившей мне и отдалившей приезд моего долгожданного друга, думать не могла. Через несколько дней, проведённых под пыткой собственного разума я сама была согласна начать принимать психотропные препараты. Я выпила одну капсулу и через час смогла заснуть. Но теперь не бессонница, а сон стал моим проклятием. Эти проклятые таблетки не выпускали меня из сна даже когда пора было бодрствовать и давали какое-то отвратительнейшее чувство. Даже не знаю, как бы это доступно объяснить людям, которые никогда подобной дряни не

пробовали. Может быть не все читатели смогут представить себе это, но я хочу описать это чувство следующим образом. Ты будто не в своём теле и постоянно чувствуешь внутренний дискомфорт вне зависимости от того стоишь ты, сидишь, идёшь куда-то, пытаешься читать или писать. Ощущения, даваемые этим ужасным препаратом несравнимы с обычной усталостью. В отличие от физиологичной усталости после приёма этих таблеток во мне всё ещё было полно энергии и сил, но пользоваться ими я не могла. Похоже на замороженный счёт в банке. Деньги как бы есть, но

платить ты ими не можешь. Я была как в коконе, хотелось гулять, читать, готовить или даже заниматься уроками, но глаза закрывались на ходу, а ноги с трудом слушались. Зрение

тоже было тяжело сосредоточить, поэтому долго читать или писать не получалось. Буквы расплывались перед глазами. Разумеется, после того как я узнала, что за дрянь мне прописали, я была готова многое отдать лишь бы не пить больше эти проклятые таблетки. Но моя воля никого не волновала. Мама не считала нужным прислушиваться ко мне в отношении моего же здоровья. Она только и делала, что твердила мне и всем остальным, что я серьёзно больна, настолько что не в состоянии оценивать себя объективно. Порой мне казалось, что она сама слабо верит в эту чушь и повторяет одно и то же без устали не столько для меня и для окружающих, сколько сама для себя, будто пытаюсь в первую очередь убедить в этом себя саму. Но была или не была моя мать по-настоящему убеждена в том, что вещала, она всё равно угрожала мне больницей, как только я начинала говорить о том, что хочу бросить этот ужасный препарат. С Антоном мы помирились. До его приезда оставалось лишь несколько дней. Каждый мой приём этих таблеток контролировался моими надзирателями в лице матери или бабушки. Я понимала, что мне не удастся незаметно перестать их пить. Но я не теряла надежды провернуть такой фокус один раз. Прошли годы с тех пор, но я всё ещё отлично помню, как трепетала моя душа за день до нашей встречи, когда нас друг от друга отделяли всего лишь каких-то 500 километров. Помню, как от волнения у меня даже покалывало в руках и ногах. Антон был уже в Москве. Следующим утром он должен был быть на Липецком железнодорожном вокзале, где мы и собирались встретиться. Интересно, что я испытывала такие сильные эмоции и так интенсивно всё чувствовала не смотря на то, что

продолжала принимать прописанный мне препарат. Сложно сказать, то ли мой организм потихоньку стал к нему адаптироваться, то ли моё исключительное желание жить было таким сильным, что порой вырывало меня из кокона, создаваемого проклятыми антипсихотиками. Я не хотела существовать, я хотела жить, полноценно чувствовать и ощущать всю прелесть жизни, не теряя ни дня. И я не хотела мириться с тем, что кто-то будь то моя мать

или какие-то врачи решили за меня, что мне сейчас нельзя жить и я покорно должна лишь существовать внутри гадкого кокона. Мне удалось уговорить маму возить меня в школу хотя бы на первые уроки, пока я в силах бороться с действием таблеток. Мне необходимо было подготовить почву для побега. Из дома сбежать было бы гораздо сложнее, чем со школы. Чтобы скрыть своё волнение и не навести своих домочадцев на не те мысли, я весь день провела за «учёбой». Помню, как снова и снова перечитывала конспекты по истории, будто, не понимая смысла написанных в тетради слов, я была так перевозбуждена, что никак не могла сосредоточиться ни на чём. В голове было место только для предстоящей встречи, такой долгожданной, что как только я себе её представляла, по телу пробегал холодок, а на коже появлялись мурашки. Поздно вечером с работы вернулась мама, наиболее подозрительная из всех троих надзирателей. Она всегда быстрее и проще раскусывала меня, чем дедушка или даже бабушка. Я понимала, что у меня не получается полностью скрыть волнение и потому я соврала ей, что завтра в школе важная контрольная и из-за этого я вся на нервах. Она поверила мне. Спала я тоже тревожно, мне то и дело снился мой предстоящий побег, но сны были неприятные,

видимо мой мозг не переставал прокручивать различные варианты трудностей, которые могли бы возникнуть на моём пути.

Наконец-таки новый день настал. После умывания я пришла на кухню, где меня уже ждал завтрак. Капсула с ненавистным мне «лекарством» тоже уже лежала на столе. Мне хватило 1 секунды, чтобы спрятать её в штаны от пижамы пока бабушка коротко отвернулась. Когда взгляд надзирательницы снова обратился ко мне, она тут же заметила пропажу. Я сказала, что уже выпила таблетку, но она сразу заподозрила, что я её просто спрятала. Бабушка потребовала, чтобы я встала. Возможно она предположила, что я спрятала её под собой. Каким-то чудом капсула не выпала у меня из штанины, потому что после завтрака она вывалилась по дороге из кухни в спальню, где я всегда переодевалась в школьную форму. Но мне повезло, в тот момент рядом никого не было и мне удалось незаметно подобрать капсулу с пола и спрятать в портфель. Я хотела показать с кем-то из знакомых, кто мог бы рассказать маме о том что я похоже

прогуливаю уроки, я подошла к молодой женщине и попросила её вызвать мне такси. Деньги у меня с собой были, не много конечно же, но столько, сколько хватило бы на проезд. А телефон

я оставила дома специально, ведь по нему мать могла бы отследить все мои перемещения. Женщина охотно согласилась и пока мы ждали такси около пяти минут, мы с ней даже разговорились. С её телефона я набрала Антону и сообщила ему, что скоро буду рядом с

кафе напротив вокзала, где меня уже ожидал он. Такси приехало и я заплатила наличными в

самом начале поездки. Путь её Антону. Если бы только мама знала, какое у меня намечилось предприятие! Она уж точно не стала бы меня красить перед «школой». И вот я еду в машине в

красивом школьном платье, с красивой причёской, накрашенная, мама думает в школу, а я на свидание. Она как обычно высадила меня перед школьным двором. Я как всегда обняла её перед тем, как выйти из машины, взяла рюкзак и сменную обувь с заднего сиденья и пошла в направлении школы. Когда я была уже за школьной оградой, я обернулась, чтобы наверняка убедиться в том, что мама уже уехала. Машины не было, и я пошла мимо школы через двор, так как он был сквозной. Когда я была уже достаточно далеко и не боялась случайной встречи....

был недолгий, но всю дорогу я была как на иголках. Всего несколько минут и свершится то, о чём я так страстно мечтала на протяжении последних полугода. Я никогда не забуду нашу первую встречу, она разделила мою жизнь на до и после. Я могу забыть что угодно, не связанное с ним, моим возлюбленным, ведь всё что было прежде даже то, что когда-то казалось важным затмилось им и моими чувствами к нему. Вот такси подвозит меня к тому самому кафе. Я смотрю из окна, ища Антона глазами, машина ещё не успела остановиться, и вдруг у меня перехватило дыхание, я в миг узнала его, стоило мне коснуться его взглядом. Я столько раз представляла себе нашу встречу и видела его во сне. И наконец я вижу этого человека, хотя смотрю на него, как на Бога, но на этот раз всё случается наяву. Я хватаю свои вещи и выпрыгиваю из такси. Антон в паре метров от меня, но меня ещё не видит. Я кричу: «Здравствуйте! Здравствуйте!» и бегу к нему.

В последний момент Антон оборачивается: «Машенька!!!» Я обнимаю его, а он меня в ответ. Чувствую его запах, он восхитителен. Я делаю полшага назад и смотрю Антону в глаза, искренне улыбаясь ему. В жизни Антон оказался ещё прекраснее, чем во снах или на фотографиях.

Он очень высокий, изящно сложен, худощавый. Пока я обнимала его, мне удалось подметить не только чудный аромат, исходящий от него, но и руками ощутить его стройность. Я нащупала его

ребра, хотя и не слишком крепко обхватила Антона. Пока я смотрю на него, я как будто улыбаюсь в лицо не только человеку, которым вождедею каждой своей клеточкой, но и словам моих надзирателей. «Ты никогда не увидишь его. Сама подумай зачем ему тащиться в такую даль, тратить большие деньги, чтобы приехать к какой-то девочке из провинциального городка?»

— ни раз повторяла мне бабушка. Разумеется, вопрос был риторическим. Я рада, возбуждена,

но еще и очень тревожна. Я боюсь быть замеченной матерью. Вообще-то она давно должна

быть на работе, но мало ли, вдруг она по какой-то причине решила куда-то съездить и как раз проедет мимо нас и увидит. Мы отходим в более-менее безопасное место, где нас не так сильно видно из окон проезжающих автомобилей. «Что будем делать?» — с улыбкой спрашиваю я. «Нужно вызвать такси, я забронировал для нас номер в соседнем городе». «Здорово! В каком? «Город Усмань. " «А, я знаю где это. Вы вызовете такси со своего телефона? Просто я свой с собой не брала. " «У меня нет интернета, сим-карта же немецкая. " «Надо попросить кого-то вызвать для нас такси.» «Или подключиться где-то к вайфаю.» Мы заходим в какое-то помещение со слабым освещением. Здесь я чувствую себя в безопасности, я такая счастливая, что просто не могу устоять на месте. Всё время прыгаю вокруг Антона и никак не могу на него наглядеться. Он такой красивый! «Вы всё-таки приехали!» — а они не верили. К интернету подключиться так и не удалось, поэтому Антон выходит снова на улицу, чтобы попросить кого-нибудь вызвать такси. Наконец за нами приезжает машина. Когда мы уже сидим в салоне автомобиля, я чувствую себя в полной безопасности. «Пожалуйста, дайте мне ручку». И Антон, как мне показалось, в легком недоумении, я бы даже сказала как-то недоверчиво, протягивает мне свою руку тыльной стороной кверху. Я держу его руку в своих руках и наслаждаюсь мягкостью его кожи. Эта кожа — самое приятное, что я трогала в моей жизни Она нежна как шёлк, гладкая ровная светлая кожа. А какие изящные длинные пальцы! Такие аккуратные руки, как будто даже женские, мне это нравится. Меня с детства укачивало в машинах, тем более на заднем сидении. Поэтому я стараюсь

по большей части смотреть на дорогу прямо и только иногда обращать взор на Антона. В пути

мы говорим о всяком. И даже сидя рядом со мной этот человек умудряется вспоминать всякую дрянь. Я глажу его руку, а он как бы невзначай рассказывает, наверное, уже двадцатый с чем-то раз о своей прошлой поездке к другой девушке, про которую я уже знаю чуть ли не больше,

чем он сам. Сердце больно сжимается в груди, но я не подаю вида. Не хочу льстить ему своей болью. Человек, причиняющий мне её, не заслуживает такой награды. Вонзая кинжал ревности всё глубже в мою душу, Антон лишь сильнее разжигал во мне желание обладать им. Теперь, когда он был совсем близко, у меня не осталось сомнений — я хочу, чтобы Антон стал у меня первым. Это моя следующая цель. Каждый раз, когда я поворачиваюсь к нему, то замечаю

как он на меня смотрит. Антон смотрит оценивающе. Чёрные глаза сверкают, как у хищника. Но не тут-то было, «хищник» заявляет мне, что пока ехал в поезде, решил в этот раз в личные отношения со мной не вступать. Кто бы мог подумать! После такой смелой переписки он всё же решил пойти на попятную. Конечно же меня такая новость сильно огорчила, но я продолжаю улыбаться, как ни в чём ни бывало. Нельзя же, чтобы Антон подумал, что я легкодоступная, да ещё и сама напрашиваюсь. А про себя говорю: это мы ещё посмотрим. Вот мы и в Усмани. Совсем маленький городишка, почти что деревня. Такси останавливается возле гостиницы «Уют», которую зарезервировал Антон. Она простенькая, но я много и не ожидала. Да это и не важно совсем. Я просто хочу наслаждаться обществом столь желанного гостя. Но

чёрт побери! 37 лет, а такой наивный! Думает, будто лучше знает, чего ожидать от моей матери, ни разу не встретившись с ней, чем я прожившая с ней 17 лет с самого рождения. «Надо обязательно позвонить твоей

маме и сказать, что ты в безопасности. Я уверен, что если она со мной познакомится и я буду

правильно себя вести, то она поймёт, что я хороший и одобрит наше общение, разрешит пожить вместе неделю. Я буду провожать тебя и встречать со школы.» Позвонить и сказать ей, что я жива я и сама, напротив. Если только звонить с незарегистрированной или чужой сим-карты, а после звонка сломать её пополам и выкинуть. Но чтобы в тот же день почти сразу же после звонка прыгать в другое такси и ехать на встречу с моей матерью до такой глупости надо ещё додуматься.

Это почти что добровольно идти на эшафот. Что касается моей матери тоже та еще актриса. Дёшево играет, но готова манипулировать самыми серьёзными вещами, которыми вообще-то не шутят. Но за такое не мне её осуждать. Разумеется, моя мать потребовала моего скорейшего возвращения, и чтобы я не вздумала ослушаться, сказала, что у неё обнаружили рак. Я слабо поверила её словам, тем более, когда его могли обнаружить? За те два часа, что я успела провести с Антоном? Дураку понятно, что это была самая банальная циничная материнская манипуляция, которой не брезгают мамы-эгоистки, нежелающие отпускать руку ребёнка, потому как боятся одиночества, этой пустоты, что останется после ухода ребенка из их жизни, чтобы начать свою новую по собственному сценарию. Но нет, Антон был настроен крайне решительно. Он не воспринимает мои доводы, полагая, что раз старше на 20 лет, то компетентнее в этом вопросе. Возможно, читая выше написанное, у многих возник вопрос зачем тогда вообще нужно было уезжать в другой город, чтобы по приезду тут же звонить моей сумасшедшей матери, зная, что она потребует, чтобы я вернулась домой немедленно. Что ж, у меня он тоже возник и не один только этот вопрос. Но на тот момент из нас двоих взрослым был Антон, так что пришлось подчиниться. Он был с дороги и потому сильно устал. Так что мы не сразу поехали обратно. Мы заходим в номер вдвоём. Мне бы так хотелось остаться здесь вместе с Антоном. И даже не обязательно вступать с ним в связь. Я просто хочу быть рядом. Я понимаю, что люблю его.

Антон ложится на кровать прямо в одежде с улицы, сняв только ветровку. «Приляг ко мне» — говорит он, и я ложусь ему на руку в школьном платье. И снова этот аромат, он для меня как мёд

для пчёл. Я знаю, что мы легли совсем не на долго и наслаждаюсь близостью этого чудесного человека. Жадно вбираю в себя воздух с его ароматом, но знаю, что всё равно не надышусь им.

Моя рука лежит на груди Антона, поверх футболки. Я бы очень хотела, но ещё слишком скромна, чтобы засунуть руку ему под одежду. Я нежно целую его в щеку. Губами я чувствую мягкость этой прелестной кожи. Антон улыбается. Похоже, ему тоже нравится. Но мы не можем вечно находиться в этом волшебном моменте. Приходится вставать. До приезда такси мы сидим в темном коридоре этой скромной гостиницы. И вдруг Антон поворачивается ко мне, он смотрит мне в глаза и спрашивает: «Маша, можно тебя поцеловать?» «Да, конечно» — и киваю ему головой. Потом я замираю, а он медленно наклоняется ко мне. Когда его лицо уже совсем близко к моему, я закрываю глаза. Чувствую, как эти тонкие, но такие нежные губы касаются моих. Теперь я могу насладиться ещё и его дыханием. Я просто сижу и мне нравится, то что Антон делает. Если бы у меня в этом

был хоть какой-то опыт, я конечно же приоткрыла бы губы и ответила ему взаимностью. Но я никогда не целовалась прежде. И я этому даже рада. Пока мы едем обратно, я решаюсь лечь Антону на колени головой. Он осторожно гладит меня, как будто еле касаясь пальцами моих волос, щёк, шеи, плеч, спины. У него длинные руки и он дотягивается даже до моих бедер.

Мне нравится, когда Антон ко мне прикасается. Мне ужасно не хочется ехать к моей матери. Я понимаю, что глупо ждать от этой встречи что-то позитивное, но мне не остаётся ничего, кроме как надеяться на чудо. Мне страшно, здесь, да и вообще не важно где, мне хорошо с этим человеком. С одной стороны, я чувствую сильную эйфорию от того, что Антон наконец-то ко мне приехал. Но с другой мне очень тревожно, я испытываю страх при мысли, что моя мать разлучит нас. Смесь этих чувств весьма противна. Под воздействием гормонов счастья, которые выплеснулись у меня в этот день в огромном количестве, моё тело и разум хотят просто наслаждаться этим замечательным состоянием. Но появляется страх, он не даёт в полной мере наслаждаться эйфорией, вызванной присутствием Антона рядом со мной. Страх вызван тем, что я вынуждена вернуться к моей матери, которая последние несколько месяцев превращала мою жизнь в ад, и он же заставляет меня погружаться в мысли, которые его только усиливают. Когда мы уже в центре Липецка и до маминой работы остаётся всего минут 10, Антон говорит, что хочет перевязать свои волосы перед встречей с моей мамой. Тогда я предлагаю ему, чтобы я это сделала, и он соглашается. Касаясь его волос, я чувствую на сколько они мягкие и шелковистые. При попадании на них солнца они блестят цветом свежесколотого каштана. — », по-моему, Вам очень идут распущенные волосы.» — говорю я, обращаясь к Антону. — «Можно мы Вас сфотографируем?» — «Давай.» — и протягивает мне телефон с включённой камерой. Сделав пару фото, я ещё люблюсь им какое-то время. Антон так прекрасен, что я не могу оторвать от него глаз. И всё же поездка подходит к концу и посему я вынуждена завязать Антону волосы и приготовиться выходить. С одной стороны, я даже чем-то горжусь собой за то, что такой красивый и необычный в хорошем смысле слова мужчина всё-таки приехал ко мне. Когда мы с Антоном уже внутри здания, где работает моя мать, я даже начинаю видеть положительную сторону в том, что нахожусь здесь. Мне не терпится похвастаться своим успехом перед матерью и другими женщинами, которые с ней работают. Я истерически смеюсь и бегу к лифту, пока Антон догоняет меня с чемоданом. Но когда мы вместе заходим в лифт страх догоняет меня. — «Антон, я так рада что Вы всё-таки приехали. Но моя мать, я боюсь она не поймёт нас.»

— Всё будет хорошо. Нам просто нужно поговорить.» —

Антон целует меня в губы, я закрываю глаза, но через мгновение вынуждена снова открыть их, потому что лифт уже поднял нас на седьмой этаж, где работает моя мама. В отделе продаж нас встречает она! На её лице нет улыбки, взгляд холоден.

— «Привет Маш, пожди здесь.»

— «Антон очень хочет поговорить с тобой. Ты с ним поговоришь?»

— «Да, пожди здесь пока.» —

— голос моей матери звучит спокойно, но от его звучания и выражения лица, с которым она произносит слова, мне становится не по себе. Мама звучит не спокойно, а скорее как-то настораживающе отрешённо, а когда она говорит, лицо остаётся неподвижным. Невольно вспоминается мой детский рисунок, когда во втором классе нам дали задание изобразить снежную королеву. Каждый рисовал так, как представлял её себе. Я тоже, клянусь, я рисовала без задней мысли, просто изобразила этого сказочного персонажа таким, каким он должен был быть в моих глазах. Когда после уроков я показала рисунок маме она сказала, что моя снежная королева очень похожа на неё. Ей очень понравился мой рисунок и его даже повесили в рамочку в нашей с мамой комнате.

Со временем, глядя на «Снежную королеву», я тоже стала всё больше узнавать в ней свою маму. Но сейчас мама была похожа на неё, как никогда прежде. Я остаюсь в отделе продаж с маминой подчинённой.

Она уходит наверх вместе с моим Антоном. Мне даже немного страшно за него, моя мама не самый адекватный человек. Но я сдерживаюсь, чтобы не побежать к ним, этим я сделаю всё только хуже.

Иногда я поглядываю на монитор. Там по камерам видно, как Антон сидит рядом с моей мамой, и они говорят о чём-то. Я чувствую тревогу. Мне одновременно хочется, чтобы они поскорее спустились и в то же время я боюсь приговора, который скорее всего вынесет моя мать, какой я её знаю. И вот снежная королева спускается, а за ней и мой Антон. «Машенька, мы поговорили с твоей мамой. Я сейчас поеду обратно в Усмань, а завтра мы с тобой погуляем после школы.» - Антон тут же с надеждой смотрит на мою мать: «Вы же разрешаете нам гулять после машины школы?» — «Угу.» — слышу я за своей спиной. Я обнимаю Антона. Конечно же, мне ужасно не хочется его отпускать, но я снова вынуждена делать то, чего не хочу делать. Проклятый возраст! Проклятые законы! Ведь всё могло бы быть гораздо проще. Я могла бы быть такой счастливой. Зачем кто-то придумал такие несправедливые законы? Почему с 16 лет я несу уже полную уголовную ответственность, но не имею права решать ни за моё здоровье, ни за моё общение с другими людьми? Я постоянно должна быть покорной, если я не согласна с чем-то, что со мной делает моя мать, я обязана задвинуть своё мнение куда подальше и подчиняться, просто подчиняться тупо и слепо. Я ненавижу свою жизнь, этот дебильный мир, который всевозможными способами мешает мне быть счастливой и конечно же меня тошнит от моей отвратительной матери и её не менее отвратительной родни в виде моих деда с бабкой. Как только Антон уезжает мне становится 100% ясно, что означало это «угу» матери у меня за спиной, хотя я и до этого подозревала, что ничего хорошего. По дороге домой я всё ещё пытаюсь убедить её разрешить нам видеться после школы. Но мои попытки тщетны. Мать продолжает называть Антона разными гадкими словами, и говорит, что я не в себе и мне обязательно нужно дальше пить эти таблетки, от которых я не живу, а существую как зомби. По прибытии в дом, это уже давно ставшее мне ненавистным место, я нахожусь в полном отчаянии. Если я не могу быть с Антоном, к которому я так долго и упорно стремилась, ради встречи с которым я натерпелась столько дерьма, то я вообще ничего не хочу больше, жить не хочу. А зачем?! Я приложила так много усилий чтобы провести с ним хотя бы одну неделю, а моя мать, эта проклятая стерва решила лишить меня награды за всё моё старание и упорство, за моё терпение и выдержку. Неделя счастья рядом с объектом обожания — неужели я так много хочу? Мать не стала отменять мои занятия русским языком по подготовке к экзамену. Я ужасно себя чувствую и разумеется мне не до каких занятий сейчас, но и противиться нету смысла. На этот раз даже не потому, что меня не станут слушать, а потому, что мне на какое-то короткое время всё становится всё равно. Русским я занималась удаленно через компьютер, но учитель не просит меня включать камеру. Пока репетитор объясняет что-то я достаю спрятанную утром таблетку из школьного рюкзака и наливаю мамин корвалол в стакан, стоявший у на её тумбочке. Если выпить слишком много маминого лекарства, то откажет сердце. Потому я наливаю побольше и запиваю им таблетку в надежде, что два таких сильных и несовместимых препарата обеспечат мою смерть. В тот момент я думаю, что никогда больше не увижу Антона, а потому для меня всё кончено, смысл жизни утрачен. В порыве жгучего отчаяния я рассказываю о своём несчастье учительнице русского языка. Спустя недолгое время я захожу в свой потайной аккаунт, точнее в один из таких, чтобы попрощаться с моим возлюбленным хотя бы через переписку, если уж нам не суждено встретиться снова. Но Антон возвращает мне надежду на продолжение нашей истории и тем самым вновь дарит мне желание жить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.